

Царевич Дмитрий Иванович

Во матушке во Москве стояла палатушка гарновитая,
Железом покрытая, гвоздями убитая полуженными,
Во этой палатушке стоят столики дубовые,
На них скатерти разостланы шелковые,
А стулики стоят кленовые.

За этими столиками сидят князья, бояря,
Сидят, пьют, едят, проклажаются,
Ничем царю не похвалятся.

Грозный царь Иван Васильевич сам выхваляется:

«Брал я Казань, брал я Астрахань,

А мелкие города мимоходом шел,

Не мог я вывести изменушку из города Обскаго, из-за Обскаго».

Возговорит речь Димитрий Иванович:

«Уж ты тятинька родимой мой,

Не мог ты вывести изменушку из каменной Москвы». —

«Скажи ты мне, дитятка, эту изменушку на́-имя?» —

«Тятинька, эта изменушка подле тебя сидит,

Пьютё, едитё с одной вы с ней ложечки,

Одно свётна платьца носите».

Грозный царь распаляется,

Выбегает на красён крылец

И кричал своим громким голосом:

«Есть ли при мне слуги верные — палачи грозные?

Взяли бы мово царевича на лобное место на кровавое:

Снесли бы ему буйну́ голову по самыя могучи плечи,

Взоткали бы её на вострый штык,

Принесли бы её пред очи, очи царския».

Догадался тут старшой боярин Иван Романыч,

Выбегал на красен крылец

И кричит своим громким голосом:

«Есть ли при мне слуги верные?

Седлали бы мне ретивá коня».

Едет Иван Романыч по матушке по Москве

И кричит громким голосом своим:

«Есть ли таковы люди — царски семена заменить,

Себе царства небеснаго получить?»
Выискался детинушка — калашный сын:
«Хочу царски семена заменить,
Хочу царства небеснаго себе получить».
Повели жа его на место лобное — на кровавое,
И снесли ему буйну́ голову по самые могучи плечи,
И взоткнули ее на вострый штык,
И принесли её перед очи, очи царския.
Не мог он вытерпеть, его ударило.
Приказал в большой колокол звонить
По всей матушке каменной Москве,
Всем боярам в черном платье итти Богу молиться:
«Погасла у меня воску ярова свеча,
Не стала у меня Дмитрия Иваныча!»
Нарядился в светна платьица Иван Романыч —
Распалается на него грозный царь Иван Васильич:
«Али ты царю — мне насмехаешься,
Али ты не знаешь, что в живе царевича не стало?
Взяли бы старшова боярина на лобное место на кровавое,
Отсекли бы ему буйну́ голову по самыя могучи плечи
И взоткнули бы ее на вострый штык,
И принесли бы ее перед очи, очи царския». —
«Батюшка грозный царь Иван Васильевич!
Дай ты мне Богу помолитися,
Дай ты Святых Тайн причаститися!»
Поехал старшой боярин Иван Романыч,
Везет он к царю Дмитрия царевича.
Увидал грозный царь Иван Васильич
С старшым боярином Дмитрия царевича.
Возгóворит царь Иван Васильевич
Старшóму боярину Ивану Романычу:
«Старшóй боярин Иван Романыч!
Умел ты царски семена блюсти,
Чем мне тебя дарить и жаловать?
Али селами, аль деревнями, али красными подселками?» —
«Не дари меня ни селами, ни деревнями,
Дай ты мне волюшку над Малюткой сыном Скурляткиным».
Старшóй боярин Иван Романович
Схватил Малютычку Скурляткина:

«Малютычка Скурляткин сын,
Не за свой ты кус хватаешься,
Скоро этим кусом ты подавишься».

Азбелев С. Н. О происхождении песен, посвященных Грозному царю Ивану Васильевичу // Русский фольклор. СПб., 1996. Т. 29.